
Л. В. СОКОЛОВА

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Композиционные и синтаксические приемы затемнения смысла в «Слове о полку Игореве»

РЕЗЮМЕ

В ранее опубликованной статье автором были рассмотрены лексико-фразеологические стилистические средства, затемняющие смысл «Слова о полку Игореве»: лексические авторские неологизмы, окказиональная фразеология, редкие слова и диалектизмы, многозначная лексика, порождающая амфиболию в тексте. В настоящей статье анализируются композиционные и синтаксические приемы, усложняющие восприятие памятника. К ним относятся фрагментарность текста, нечеткость границ между отдельными фрагментами, скачкообразная краткость рассказа, паратакис, биполярные синтаксические единицы, вставные и присоединительные конструкции, инверсия и др. Используемые в «Слове» перечисленные поэтические приемы дают основание относить памятник к сложной, или «темной», поэзии. Стиль «Слова о полку Игореве» требует от читателей интеллектуальных усилий и определенного кругозора. Несмотря на многочисленные комментарии к тексту, некоторые неясные места памятника до сих пор не получили общепринятого толкования. Стиль «Слова» сопоставляли, в частности, с «темным» стилем провансальской поэзии (*trobar clus*), однако этот стиль обычно скрывает тайный смысл, что не характерно для «Слова». Типологически сопоставимый со сложным стилем европейской поэзии конца XII — начала XIII в., стиль «Слова» имеет свои особенности.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», композиция, синтаксис, стиль *ornatus difficilis*, усложнение стиля, «темный» стиль.

Lidia V. Sokolova (Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia). Compositional and Syntactic Devices Used in *The Tale of Igor's Campaign* for Obfuscation of Meaning

ABSTRACT

This article adds to the study of literary devices that are used in *The Tale of Igor's Campaign* to obscure the meaning of the text. While an earlier article by the author examined lexical and phraseological stylistic means, this work analyzes compositional and syntactic techniques which serve the same purpose. These literary devices include text fragmentation with unclear boundaries between the fragments, occasional brevity of the narrative, parataxis, bipolar syntactic units, inversion, etc. The use of these devices suggests that *The Tale of Igor's Campaign* should be regarded as deliberately complex or obscure poetry. Its style requires the readers to make intellectual efforts and to possess a rather broad cultural background. Despite numerous scholarly comments on the text, the interpretation of some places in the *Tale* remains a matter of dispute. Some scholars have compared the style of the *Tale* to *trobar clus*, the obscure style of medieval poetry in Provençal. The style of this poetry, however, usually conceals a secret meaning, which is not characteristic of the *Tale*. Although the style of *The Tale of Igor's Cam-*

paign is typologically comparable to the complex style of European poetry of the late twelfth and early thirteenth centuries, it has its own peculiarities.

Keywords: The Tale of Igor's Campaign, composition, syntax, ornatus difficilis style, obscure style.

А. С. Орлов и С. К. Шамбинаго в 1941 г. справедливо отметили, что в «Слове о полку Игореве» «„темных“ мест, неразгаданных чтений не так уж много, и не столько они мешают исчерпывающему пониманию Слова, сколько лаконическая поэтичность автора, ясная для его современников и скрытая от поздних поколений».¹ Р. О. Якобсон также полагал, что «главная трудность „Слова“ лежит отнюдь не в лексике и не в грамматике, а в его стилистическом многообразии», которое ученый объяснил принадлежностью памятника к «затрудненному, сокровенному, приточно-иносказательному стилю, овладевшему на исходе XII и в начале XIII века поэзией русской и западной, скандинавской и провансальской, кельтской и немецкой, греческой и латинской». Для этого стиля характерны, по словам Якобсона, в частности, «приемы загадок, сжатый намек взамен повествования, заведомая разнородность языковых средств» и др.² «Этот стиль — „trobar clus“, „ornatus difficilis“ — зиждется на многоплановом символизме и изобилует смелыми контрастами, прихотливостью пространственных и временных дигрессий (<...> сложной игрой тропов и фигур, нарочитым совмещением несродных жанров и источников», сочетанием языческих и христианских элементов».³

Мнение Р. О. Якобсона разделил А. А. Гогешвили, по выражению которого «доведенный почти до предела символизм, многозначная лаконичность и сознательная „темнота“, эзотеричность авторского стиля составляют существенную часть тайны „Слова“ и его автора и одновременно секрет его очарования, делают „Слово“ произведением искусства, явлением подлинной поэзии».⁴

Определяя стиль европейской поэзии конца XII и начала XIII в., Р. О. Якобсон использовал термин латинских риторик *ornatus difficilis* и термин поэзии провансальских трубадуров *trobar clus*. И если стиль «Слова» можно, безусловно, охарактеризовать как *ornatus difficilis*,⁵ то отождествлять его с герметичным, «темным» стилем провансальской поэзии трубадуров *trobar clus* — одной из национальных разновидностей стиля *ornatus difficilis* — вряд ли правомерно, поскольку этот стиль обычно скрывает тайный смысл, добраться до которого можно только с помощью ключа (*clau*), а иногда нужен и второй

¹ Орлов А. С., Шамбинаго С. К. Слово о полку Игореве // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л., 1941. Т. 1: Литература XI — начала XIII века. С. 378.

² Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в США // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 108—109.

³ Якобсон Р. О. Роль языкознания в экзегезе Слова о полку Игореве // Якобсон Р. О. Избранные работы / Пер. с англ., нем., фр. яз. Сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева; предисл. В. В. Иванова. М., 1985. С. 421.

⁴ Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве»: Исследование. М., 1999. С. 380.

⁵ В средневековых латинских риториках орнаментальный стиль подразделялся на *ornatus facilis*, т. е. орнаментальный легкий, простой (в нем использовались фигуры, которые основывались лишь на сонорных эффектах: аллитерация, рифма, параномазия), и *ornatus difficilis*, т. е. орнаментальный трудный, сложный (акцент в нем делался на метафоры, символы, метонимии и другие тропы, затрудняющие в определенной степени восприятие текста памятника).

ключ (clau segonda).⁶ Нельзя отождествлять стиль «Слова» и с «загадочной темнотой» скальдической поэзии с ее системой многоступенчатых иносказательных обозначений — перифраз (хейти и кеннинги).⁷ Стиль «Слова», *типологически* сопоставимый с «темным» стилем европейской поэзии конца XII в., имеет свои особенности.⁸

Усложненный стиль характерен в той или иной степени для всех так называемых «вторичных» стилей (термин Д. С. Лихачева). «Первичные» стили (романский, ренессанс, классицизм) характеризуются, по мысли Д. С. Лихачева, относительно простой поэтикой, а «вторичные» стили (готика, барокко, романтизм) — формальной усложненностью. Д. С. Лихачев отмечает во «вторичных» стилях «рост декоративности, появление оторванных от содержания форм (форм абстрактных), появление разновидностей стиля, рассчитанных на узкий круг, на „немногих“, на „знатоков“». ⁹ Именно к такого рода «вторичным» стилям следует отнести, без сомнения, и стиль «Слова о полку Игореве». Ю. М. Лотман в качестве эпох, ориентированных на троп, называет мифопоэтический период, Средневековье, барокко, романтизм, символизм и авангард.¹⁰ Обзор сложной (темной) поэзии предложен, в частности, в статье К. М. Корчагина.¹¹

⁶ Представители особой искусственной манеры изложения, получившей название «закрытой» поэзии, или поэзии «темной» (trobar clus), защищали право поэзии быть достоянием узкого круга посвященных, способных постичь ее. Сохранилась тенсона, в которой провансальские поэты Рамбаут и Гиравт де Борнейль ведут спор о задачах и приемах поэзии. Рамбаут недвусмысленно отстаивает право поэзии быть достоянием немногих избранных, защищая эстетику «непонятного», «загадочного». Гиравт де Борнейль говорит, что он предпочитает быть понятным для широкого круга слушателей. Поэтому и свою манеру он называет «открытой», «ясной» (trobar leu) (Самарин Р. М., Михайлов А. Д. Кургуазная лирика // История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 537). О языке поэзии трубадуров см. также: Мейлах М. Б. Язык трубадуров. М., 1975.

⁷ О языке поэзии скальдов см.: Младшая Эдда / Изд. подгот. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. С. 97—179.

⁸ Рассуждая о типологической общности и национально-историческом своеобразии литературных направлений, А. Я. Гуревич пишет: «...факт остается фактом: одинаковая регулярность и последовательная смена основных литературных направлений (о чем так хорошо говорит В. Жирмунский), весь ход литературного процесса подчинены определенным закономерностям и не могут быть сведены к случайностям межнациональных контактов. И чем ближе народы и страны по своим историческим судьбам, по типу духовного и культурного развития, тем более сходства обнаруживают возникающие в них литературные направления». Но при этом «в каждой стране, в каждой национальной литературе происходит отбор и переработка идущих извне влияний, их переосмысление и истолкование в соответствии с отечественными потребностями и общественными задачами, их встреча с местными традициями, общекультурными и литературно-художественными. Мы можем говорить, следовательно, о совокупном действии и взаимовлиянии обоих факторов (типологических и контактных) в ходе возникновения и развития общеевропейских литературных направлений» (Гуревич А. Я. Типологическая общность и национально-историческое своеобразие // Вопросы литературы. 1978. № 11. С. 168, 170; курсив мой). Ранее об этом писал В. М. Жирмунский, см.: Жирмунский В. М. 1) Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. М., 1960. Т. 19, вып. 3. С. 177—186; 2) Литературные течения как явление международное. Л., 1967.

⁹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 176.

¹⁰ Лотман Ю. М. Риторика // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 172.

¹¹ Корчагина К. Всемирная история сложной поэзии: от Руми и скальдов до Тредиаковского, Малларме и Пауля Целана. URL: <https://knife.media/complicated-poetry/> (Дата публикации: 18.08.2020).

В «Слове о полку Игореве» можно указать на целый ряд художественных особенностей, поэтических приемов, затрудняющих восприятие его текста. Какова цель этих приемов? Луис де Гонгора, создатель «темного» стиля культизм (от исп. cultos — утонченный, культурный) в испанской поэзии барокко XVII в., для которого характерны нарочито усложненный поэтический язык, особая метафоричность, образность, писал, что «темный» стиль полезен, поскольку туманность содержания будит ум, побуждает читателя к размышлению. Неясность смысла требует от читателя не пассивного восприятия опозитивированной красоты, а активного сотрудничества с поэтом. По мнению Гонгоры, душа читателя инстинктивно тянется к неясному и запутанному, жаждет эмоций, связанных с процессом разгадывания. Читатель испытывает наслаждение первооткрывателя, которое так привлекает людей к разгадыванию загадок или к серьезному научному исследованию.¹²

Характеристика «Слова» как произведения затрудненного, сокровенного, приточно-иносказательного стиля конца XII — начала XIII в. является, безусловно, верной, однако, как справедливо заметил В. В. Колесов, «эта слишком широкая характеристика стиля „Слова“ нуждается еще в аргументации материалом».¹³

В ранее опубликованной статье о стиле «Слова»¹⁴ мы рассмотрели не до конца разгаданные фрагменты, трудность понимания которых связана с употреблением авторских лексических и семантических неологизмов, окказиональной фразеологии, редких слов и диалектизмов, а также многозначной лексики, порождающей двусмысленность (амфиболию) в тексте. Здесь же проанализируем композиционные и синтаксические приемы усложнения стиля в «Слове».¹⁵

* * *

1. «Фрагментарность» «Слова о полку Игореве» усложняет восприятие его текста. Автор создает свое произведение как бы из нескольких отдельных фрагментов, не объясняя логической связи между ними. И. П. Еремин отмечал, что повествование о походе Игоря в «Слове» «распадается на ряд эпизодов, представляющих каждый относительно замкнутое целое (...) Отсюда случаи перерыва повествования, в результате чего некоторые эпизоды приобрели под пером автора вполне самостоятельное значение и даже утратили непосредственную связь между собою: похвала Всеволоду, например, сон князя Святослава и его „злато слово“, плач Ярославны. (...) „Мутен“ сон князя Святослава вводится в „повесть“ без всякого предупреждения, — как

¹² Менендес Пидаль Р. Темный и трудный стиль культеранистов и концептистов // Менендес Пидаль Р. Избранные произведения: Испанская литература Средних веков и эпохи Возрождения / Пер. с исп. М., 1961. С. 767—768.

¹³ Колесов В. В. Стиль «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 5. С. 59.

¹⁴ Соколова Л. В. Стиль «ornatus difficilis» в «Слове о полку Игореве» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 1. С. 7—34. URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=86901

¹⁵ В основу настоящей статьи положен доклад, прочитанный на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, посвященном юбилею доктора филологических наук, профессора А. В. Пигина (видеозапись заседания с канала ИРЛИ РАН см.: <https://yandex.ru/video/preview/16585697636419602561> (07.07.2022)).

фрагмент, вырванный из контекста, даже без какой-либо переходной фразы.¹⁶ Точно так же, без непосредственной связи с предшествующим изложением, вводится в „повесть“ и плач Ярославны ⟨...⟩ Автор как бы выхватывает из последовательного потока событий отдельные нужные ему эпизоды, не заботясь об их последовательной связи».¹⁷

Связь между фрагментами предстоит выявить читателю, он должен стать интерпретатором текста. Какова, например, логическая связь между фрагментами «Плач Ярославны» и «Бегство Игоря из плена»? Д. С. Лихачев пишет по этому поводу: «Возвращение Игоря [происходит] как бы в ответ на мольбу Ярославны, на ее обращение к ветру, к Днепру, к солнцу. *Этот ответ не прямой — как бы завуалированный*».¹⁸ Действительно, связь двух фрагментов далеко не очевидна и даже отрицается некоторыми, в том числе современными, исследователями, например И. Лемешкиным.¹⁹ Читатель должен понять, что бегство Игоря происходит не только *после*, но и *вследствие* обращения Ярославны к силам природы, в ответ на него.²⁰

Фрагментарность «Слова» дала повод некоторым исследователям рассматривать памятник как составленный из отдельных, ранее созданных песен,²¹ а также породила гипотезу о разновременном создании произведения: высказывалась мысль, что основная часть памятника была написана в 1185 г., а заключительная приписана позднее.²²

Единовременное создание «Слова о полку Игореве» в дошедшем до нас виде доказывает композиция произведения. Ее исследование привело нас к выводу, что каждый фрагмент занимает в «Слове» строго определенное место, в том числе авторские отступления, стоящие после завязки действия,

¹⁶ Ср. рассказ Ипатьевской летописи: «В то же время великий князь Всеволодичъ Святослав шел бѣшать в Корачев...» (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 434). — *Примеч. И. П. Еремина.*

¹⁷ *Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и ст. / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Ариановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 103.

¹⁸ *Лихачев Д. С.* Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 249.

¹⁹ *Лемешкин И.* Княгиня Ярославна Мезенского уезда, или Почему жена Игоря плачет «на забрале» // Русская литература. 2017. № 1. С. 107—126. Полемику с И. Лемешкиным см.: *Соколова Л. В.* Фольклорные традиции и их интерпретация в Плаче Ярославны // Текст и традиция: Альманах. СПб., 2020. Т. 8. С. 7—34.

²⁰ Давая читателю понять спасительное действие плача-моления Ярославны с ее анимистическим обращением к силам природы, автор нарисовал картину природных явлений, благоприятствовавших побегу Игоря, но при этом из сказанного им ясно, что помогает Игорю бежать в первую очередь христианский Бог, повелевающий стихиями: направлением смерчей он Игорю «путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую».

²¹ См.: *Творогов О. В.* История текста «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 320—324.

²² Так, А. А. Горский считает, что высказывавшееся предположение о разновременном появлении основной части «Слова» и заключительной (описание бегства из плена) «вряд ли правомерно», так как изъятие заключительной части нарушает художественную целостность поэмы, но допускает при этом, что основная часть «Слова» создана в 1185 г., а в 1188-м (после возвращения из плена Владимира Игоревича в 1187 г.) в него были добавлены диалог Кончака и Гзака и «слава» молодым князьям (*Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 36—37).

кульминации и развязки.²³ Это наблюдение исключает также предлагавшиеся перестановки в тексте памятника, в том числе создание в начале «Слова» «исторического раздела» (повествования об XI веке).²⁴

Отдельные фрагменты памятника объединены в единое целое поэтическими средствами. По выражению Д. С. Лихачева, «художественное единство „Слова“ подкреплено множеством различных художественных „скреп“: „Слово“ вновь и вновь напоминает читателю, что оно едино: и перекличками текста, и рефренами, и лейтмотивами, и повторениями, и ассоциативными связями далеко отстоящих друг от друга мест текста, и общностью настроения, и как бы сбывающимися предчувствиями (...) Текст словно связан железными тягами».²⁵ Кроме того, «в „Слове“ обнаруживаются скрепы очень частные, иногда крайне слабо обозначенные, но тем не менее вполне реальные и действующие на читателя „в малых дозах“».²⁶

Большое значение имеет исследование мотивной структуры «Слова».²⁷ Так, кольцевой мотив затмевающегося и затем вновь сияющего солнца, на который неоднократно указывали исследователи, упоминание Бояна в начале и в конце произведения, а также другие выявленные «кольцевые» мотивы, переклички между началом событий и их окончанием скрепляют «Слово» в единое целое.²⁸

2. В «Слове» в некоторых случаях неясны границы фрагментов, что также усложняет понимание смысла текста. Например, важно понять, где кончается «злато слово» Святослава, то есть кто обращается к князьям с призывом прийти на защиту *Киева* и Русской земли — *киевский великий князь* Святослав Всеволодович в своем «золотом слове», как полагают одни исследователи, или автор от своего лица, как считают другие.²⁹ Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо учесть то, каким изображен в «Слове» великий князь Киевский. Во-первых, автор с явным преувеличением, в эпических тонах повествует о победах Святослава, предшествующих походу Игоря (он «наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота. А поганого Кобыяка изь луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихрь, выторже,

²³ См. об этом: *Соколова Л. В.* Композиция «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 184—210.

²⁴ См.: *Творогов О. В.* Перестановки в тексте «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. С. 78—83.

²⁵ *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» как художественное целое // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 392.

²⁶ Примеры см.: Там же. С. 392—394. См. также: *Демкова Н. С.* Повторы в «Слове о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. ст. СПб., 1997. С. 18—33.

²⁷ Этому посвящено исследование Б. М. Гаспарова: *Гаспаров Б.* Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984; 2-е изд. М., 2000.

²⁸ Ряд других перекличек отметил Д. С. Лихачев (*Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» как художественное целое. С. 391—422). См. также: *Патрова Н. В.* Синтаксис и архитектоника «Слова о полку Игореве» и его поэтических переложений XIX—XX веков. Петрозаводск, 2015. С. 32—35.

²⁹ Обзор разных точек зрения см.: *Соколова Л. В.* Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 28—35.

и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли»³⁰). Во-вторых, автор сочиняет сон Святослава, который Д. С. Лихачев охарактеризовал как «государственный». В-третьих, речь Святослава названа «золотым словом», и, разумеется, не только потому, что это великокняжеская речь, но прежде всего потому, что автор оценивает произнесенные Святославом слова как глубокую мудрость: в них содержится главная идея «Слова» — призыв князей к совместной обороне Русской земли. А речь, ограниченную горькими упреками Святослава по адресу Игоря и Ярослава Черниговского, «золотым словом» назвать нельзя. Наконец, призывы в «золотом слове» отомстить «за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича» и «загородить полю ворота» обращены исключительно к потомкам Владимира Мономаха, находившимся в сложных отношениях с Ольговичами, главой которых был Святослав Киевский. Следует учитывать и то, что Игорь после возвращения из плена едет к Святославу в Киев как вассал к сюзерену. Все это свидетельствует о том, что призывы к князьям «Мстиславова племени» автор «Слова» вкладывает в уста Святослава Киевского. Именно он, киевский великий князь, призывает Мономаховичей прийти на защиту Киева — общего «отня злата стола», южных рубежей Русской земли.

Не менее важно правильно распознать авторский замысел при определении того, где кончается «песня от лица Бояна» и начинается повествование автора о походе Игоря. Об этом речь пойдет далее, в связи с другим приемом затемнения смысла «Слова».

3. Нечеткое членение предложения на синтагмы также затемняет смысл текста. Например, в заключительной фразе: «Князьям слава а дружине аминь» — двусмысленность создается неопределенностью того, соединительным или сопоставительным является здесь многозначный союз «а». Если учесть, что слово «аминь» ставилось в конце произведения и означало «воистину, верно, подлинно», то перевод фразы будет таким: «Князьям слава и дружине. Аминь». Многие современные публикаторы и переводчики именно так интерпретируют фразу «Слова».³¹ Но конечное положение в церковнославянских текстах породило второе, переносное значение этого слова — «конец». На этом значении основывались первые издатели «Слова», Жуковский, Пушкин и Срезневский, переведившие: «Слава князьям, а дружине аминь!» — имея в виду гибель Игоревой дружины. По нашему мнению, данный контекст предполагает соединительное значение союза *a*, поскольку заключительное пожелание здравия и возгласение славы обращены уже не к войску Игоря, а ко всем русским князьям и дружинам: «Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки! Княземъ слава а дружинѣ! Аминь». Интересно, что автор полемизирует здесь, как заметил А. Ю. Чернов, с дважды произнесенной формулой феодального этикета (дружины «ищут себе чести, а князю славы»), провозглашая славу и князьям, и дружине.³²

³⁰ Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 50. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.

³¹ См., например, разбивку текста в публикации «Слова» и его совместном переводе Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева и О. В. Творогова в цитированном выше издании (с. 56 и 66).

³² Чернов А. Ю. Хроники изнаночного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб., 2006. С. 81.

Вполне возможно, однако, что авторский текст не допускал альтернативности понимания рассматриваемой фразы, если в нем как в светском дружинном памятнике не было заключительного слова «аминь», характерного для церковнославянских текстов. Не случайно автор лучшего поэтического переложения «Слова» Н. А. Заболоцкий настаивал на понимании союза *a* как соединительного и перевел фразу так: «Слава князьям и дружине слава!» — опустив заключительное слово «аминь» как позднейшую вставку в текст «Слова» (с. 287).

4. В некоторых случаях затрудняет понимание смысла авторского текста сложное синтаксическое построение, что приводит при публикациях «Слова» к ошибочному разделению единого синтаксического целого на отдельные предложения. В качестве примера приведем начало фрагмента, в котором автор рассуждает о том, как бы Боян мог спеть о походе Игоря. Вот как он передан в издании «Слова» в серии «Библиотека поэта» 1967 г. (а также в других изданиях):

О Бояне, соловию стараго времени!
А бы ты сиа плькы ущекоталь, скача,
славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню чресь поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви, *того*³³ внуку: «Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому». Чи ли въспѣти было, вѣщенъ Бояне, Велесовъ внуче... (с. 44).

Приведенный текст разбит здесь на два предложения, даже на два абзаца. Между тем этот отрывок представляет собой единое целое как с точки зрения синтаксиса, так и с точки зрения содержания, — синтаксический период.³⁴ В данном случае это развернутое сложноподчиненное предложение, отличающееся полнотой раскрытия мысли и законченностью интонации. Композиционно период распадается на две взаимно уравновешенные части: первая (протазис) характеризуется повышением интонации, вторая (аподозис) — понижением, что определяет интонационную завершенность периода. Синтаксическая конструкция, открывающаяся в начале периода, замыкается лишь в конце его, а придаточные предложения или, как в нашем случае, деепричастные обороты, всесторонне освещающие главное, вставляются в нее, как в рамку. Приведем рассматриваемый фрагмент как синтаксический период в ритмической разбивке:

О Бояне, соловию стараго времени!
А бы ты сиа плькы ущекоталь,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подь облакы,
свивая славы обаполы сего времени,
рища въ тропу Трояню чресь поля на горы, —
пѣти было пѣснь Игореви, *того* (Олга) внуку:
«Не буря соколы занесе чресь поля широкая —
галици стады бѣжать къ Дону Великому».

³³ В П — того (Олга); Е — того (Ольга); по сведениям Н. М. Карамзина, слова Олга (Ольга) в рукописи не было. — Примеч. издателей. Здесь и далее буквой П обозначено первое издание «Слова», буквой Е — Екатерининская копия памятника.

³⁴ См.: Кузнецова А. А. Период // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. URL: <https://academic.ru/>

При рассмотрении приведенного фрагмента как единого целого — синтаксического периода — выявляется более глубокий смысл текста. Применяя этот выразительный прием синтаксической организации речи, стилистическую фигуру, автор рассуждает о том, как бы Боян спел о походе Игоря. По его мнению, используя силу таланта и поэтического воображения, «свивая славы обаполы сего времени»,³⁵ погружаясь при этом в историческое прошлое — «тропу Трояню», Боян пропел бы внуку «того» Олега («Гориславича!») краткую «припевку»-хулу: «Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону великому».

Смысл этой припевки далеко не очевиден. О другой ее интерпретации скажем далее, при рассмотрении приема паратаксиса в «Слове».

5. Приемом, затемняющим смысл «Слова», является также «скачкообразная краткость рассказа», иначе — «пунктирное повествование», порождающее недомолвки в тексте. Рассуждая, как бы Боян мог спеть о походе Игоря, автор, по нашему мнению, приводит две «песни» от его лица. Первая — рассмотренная краткая припевка-хула, а вторая — песня-слава, границы которой исследователи определяют по-разному. Приведя припевку-хулу, автор «Слова» допускает далее, что «вещий» Боян, «внук» Велеса (покровителя и вдохновителя певцов), мог пропеть и славу потерпевшему поражение Игорю; в качестве примера такой славы от лица Бояна автор создает речь Всеволода, восхваляющего курян-кметей. Прочитую этот фрагмент по изданию «Слова» 1967 г. в серии «Библиотека поэта»:

Чи ли вспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ. Трубы трубають въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ». Игорьъ ждеть мила брата Всеволода. И рече ему Буи Турь Всеволодь: «Одинь братъ, одинь свѣтъ свѣтлыи — ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславлича! сѣдлаи, брате, свои брѣзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подь трубами повити, подь шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изьострени, сами скачють, акы сѣрби влци въ полѣ, ишучи себе чти, а князю славѣ».

Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю.... (с. 45—46).

Как уже сказано, исследователи по-разному определяют нижнюю границу песни-славы от лица Бояна. Одни ограничивают ее словами «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ». Другие, как в процитированном издании, включают в нее и два следующих предложения: «Трубы трубають въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ». А дальнейший текст: «Игорь ждеть мила брата Всеволода...» — принимают уже за авторское повествование о походе 1185 г. При такой интерпретации текста разрывается единый фрагмент, в котором автор «Слова» после объяснения причины, побудившей Игоря к походу (когда

³⁵ Фразу «свивая славы обаполы сего времени» переводят обычно: «соединяя славы обеих половин этого времени», — понимая слово «свивая» как «соединяя», а «обаполы» — как «обеих половин»; по нашему мнению, выражение «свивати славы» означает «петь славы, воспевать» (ср. древнерусские выражения «свивати словеса», «сплетати хвалу»), а «обаполы» в данном контексте употреблено в значении «вокруг»; таким образом, приведенная фраза означает: сплетая (словно венки) славы вокруг сего времени, т. е. воспевая это время. Именно так перевел эту фразу Иван Новиков: «...соловьиную песню свивая / Вокруг сего времени...» (с. 220).

кони русичей ржут за пограничной Сулою — тогда звенит слава в Киеве), *пунктирным повествованием* обозначает основные моменты похода Игоря, о которых подробно повествует Ипатьевская летопись: 1) трубы трубят в Новгороде Северском (т. е. в столичном граде объявляется Игорем сбор в поход); 2) стоят стяги в Путивле (здесь соединялись войска князей Игоря, Владимира и Святослава Рыльского); 3) Игорь ждет мила брата Всеволода (Игорь с двумя другими князьями три дня ждал у Оскола Всеволода, шедшего из Курска); 4) и сказал ему (прибыв из Курска к Осколу) Буй Тур Всеволод, предлагая продолжить поход: седлай своих коней, а мои готовы, еще у Курска оседланы.

Ошибочное определение границы песни-славы «Бояна» внесло в текст «Слова» неясность.³⁶ Кроме того, неверное определение границы между песней от лица Бояна и началом повествования автора о походе Игоря породило гипотезу о том, что в тексте «Слова» дважды говорится о солнечном затмении, в связи с чем была предложена перестановка в начале «Слова»,³⁷ а также возникло представление, что Игорь и Всеволод общаются на расстоянии, находясь перед походом еще в своих столичных городах.³⁸

Н. В. Патроева попыталась оспорить нашу точку зрения, склонившись к традиционному прочтению. По ее мнению, фрагмент с речью Всеволода, включающий похвалу курянам-кметям, начинает авторское повествование о походе Игоря, после Бояновых «запевов» «возвращая слушателя к ничего тревожного не предвещавшим дням накануне затмения; отсюда — энергичный оптимизм и безоговорочная уверенность в победе, звучащие в „слове“ Всеволода и подобные трафаретным „общим местам“ дружинной поэзии. Но слушатель из пролога уже знает о затмении и ожидает рассказа „с слезами смешанного“, а Игорь и Всеволод еще не ведают о недобрых предзнаменованиях и потому беспечны — так создатель СПИ подчеркивает всю нелепость Игоревых замыслов и неправильность выбранного братьями пути».³⁹ Исследовательница при этом сослалась на авторитет сторонников традиционной точки зрения: «Не случайно некоторые исследователи СПИ включали

³⁶ Так, И. П. Еремин, говоря о недомолвках в «Слове», пишет в качестве примера: «„Игорь ждет мила брата Всеволода...“ Где „ждет“, откуда „ждет“, почему „ждет“ — не ясно. Не ясно и непосредственно следующая за ней фраза: „И рече ему буй тур Всеволод...“ (далее обращение Всеволода к Игорю). Значит ли она, что Всеволод уже прибыл к Игорю и лично обращается к нему, или здесь имеется в виду обычная в практике междукняжеских отношений той эпохи речь, переданная послом? Возможно и то и другое толкование этого „рече“, и здесь нет оснований предполагать какую-то порчу дошедшего до нас текста — пропуск, как думал акад. И. Н. Жданов; здесь характерная для автора „Слова“ недомолвка, именно поэтому и допускающая различное толкование данного эпизода» (*Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. С. 105).

³⁷ *Творогов О. В.* Перестановки в тексте «Слова». С. 79—80. О том, что эта перестановка в начале «Слова» вызвана неверным делением текста, см.: *Соколова Л. В.* Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 21—22.

³⁸ Об этом неоднократно писал Д. С. Лихачев, например: «На большом расстоянии из своих княжеств разговаривают друг с другом Игорь и Всеволод, причем Всеволод осведомляет брата — как у него обстоят дела в Курском княжестве. Не следует думать, что Игорь и Всеволод говорят друг с другом, уже съехавшись: Игорь только ждет еще своего милого брата, собирая войска в Новгороде Северском и в Путивле (в первом городе еще только звучат трубы, во втором поставлены стяги)» (*Лихачев Д. С.* Поэтика «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 4-е изд. С. 259).

³⁹ *Патроева Н. В.* Синтаксис и архитектоника «Слова о полку Игореве» и его поэтических переложений XIX—XX веков. С. 33—34.

во вступительную часть эпизод с „припевкой“ из Бояна, а сцену разговора братьев относили уже к началу повествования». ⁴⁰ К сожалению, Н. В. Патроева не объяснила, где в таком случае Всеволод произносит свою речь, если он произносит ее до затмения, еще до встречи с Игорем (они встретились у Оскола), а при этом говорит ему: седлай своих коней, а мои готовы, еще у Курска оседланы.

Немецкий исследователь Е. Гофман, отмечая в «Слове о полку Игореве» «скачкообразную краткость рассказа», передающую только главнейшие моменты событий, называет это характерной чертой эпической *песни* (сравнивая «Слово» с северными песнями Эдды), в отличие от «*большого*» эпоса, медлительного и широкого в повествовании. Такая «скачкообразность» рассказа создает неясность в тексте. Исследователь предполагал, что автор «Слова», как и авторы северных песен поэтической Эдды, могли пропускать подробности по той причине, что содержание рассказа было известно слушателям и пропуски существенно не затемняли его смысла. ⁴¹ Ту же мысль высказывал И. П. Еремин, по мнению которого характерное для автора «Слова» правило — «не описывать подробно события, а только напоминать о них читателю. Отсюда — недомолвки, глухие намеки, даже пропуски, рассчитанные на то, что цепь событий читателю превосходно известна и он сам без труда восполнит то, о чем умолчал автор». ⁴² И действительно, «Слово» создавалось автором, который знал летописные рассказы о походе Игоря и подразумевал знание их у своих слушателей / читателей. Без летописного повествования сказанное автором в виде намека или символической перифразы вряд ли было бы понятно даже современникам автора «Слова», не посвященным в подробности Игорева похода.

6. Еще один очень характерный для «Слова» прием затемнения смысла — бессоюзие (асиндетон), или паратаксис (греч. *παράταξις* — «выстраивание рядом»). Это стилистическая фигура, состоящая в намеренном опущении союзов, позволяющих установить логическое соотношение простых предложений в составе сложного. По определению Г. О. Винокура, паратактический строй языка — это такой строй, когда «отношение между различными словосочетаниями или предложениями не выражается специальными словами, а просто они употреблены рядом». ⁴³

М. Н. Петерсон установил, что 63 % предложений в «Слове» соединены без союза, это означает, что бессоюзный способ соединения слов является в памятнике господствующим. ⁴⁴ По подсчетам А. А. Зализняка, доля бессоюзных конструкций составляет 66,4 % от общего числа всех построений — очень высокий показатель для древнерусского источника в сравнении, например,

⁴⁰ Там же. С. 33, примеч. 27.

⁴¹ Hoffmann E. Beobachtungen zum Stil des «Igorliedes» // Archiv für slavische Philologie. 1923. Bd. 38, Heft 3—4. S. 241—242. Рец. на работу Хофмана см.: Никольская А. Б. О стиле «Слова о полку Игореве» (по поводу статьи Е. Hoffmann «Beobachtungen zum Stil des „Igorliedes“») // ИОРЯС. 1925. Л., 1926. Т. 30. С. 455—470.

⁴² Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. С. 104—105.

⁴³ Винокур Г. О. К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования / Отв. ред. А. Н. Робинсон. М., 1988. С. 100.

⁴⁴ Петерсон М. Н. Синтаксис «Слова о полку Игореве» // Slavia. 1937. Roč. 14, seš. 4. S. 552.

с 14 % в «Сказании о Мамаевом побоище».⁴⁵ По подсчетам Н. В. Патроевой, «среди двучленных сложных предложений на долю бессоюзно оформленных приходится 32 репрезентации».⁴⁶ Г. О. Винокур, сославшись на работу М. Н. Петерсона, заметил, что такое построение речи есть результат уже богатого литературного опыта, но вместе с тем здесь есть и следы связи языка с древним паратактическим отношением, которое роднит его с народной поэзией.⁴⁷ В литературе бессоюзие (асиндетон) *характерно для языка поэзии*, оно придает высказыванию стремительность, динамичность, помогает передать быструю смену картин, впечатлений, действий.

Лингвисты отмечают полисемантическую природу ряда бессоюзных предложений. В отличие от эксплицитного выражения конкретных значений в союзном предложении бессоюзный способ соединения предложений позволяет читателю в ряде случаев по-разному интерпретировать синтаксические и смысловые связи между ними.⁴⁸

В качестве примера различной интерпретации смысла бессоюзного предложения можно указать фразу из вышеприведенного фрагмента (песни от лица Бояна): «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ» (с. 44). Как правило, исследователи «Слова» видят здесь сочинительную связь (разделяя предложения запятыми), полагая, что речь идет о походе Игоря. Между тем эту фразу правильнее рассматривать как сложноподчиненное предложение с придаточным времени: когда кони русичей ржут за Сулою (за границей, на половецкой территории) — тогда звучит слава в Киеве. В таком случае эта фраза — объяснение желания Игоря, стремившегося к славе, выступить в поход.⁴⁹

Не выражено эксплицитно, с помощью пояснительных слов, конкретное значение и другой фразы: «Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому» (с. 44). По поводу того, какова связь между этими предложениями, а следовательно, и по поводу того, кто сравнивается с галками (русские или половецкие воины), существуют разные мнения. Точку зрения, согласно которой это припевка-хула, что воины Игоря сравниваются с галками, бегущими к Дону на свою погибель,⁵⁰ подвергла критике Н. С. Демкова, считавшая невозможным наличие в «Слове» хулы Игорю.⁵¹ Однако после прочтения опубликованной в том же 1997 г. заметки

⁴⁵ Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008. С. 198, 288.

⁴⁶ Патроева Н. В. Синтаксис и архитектура «Слова о полку Игореве» и его поэтических переделаний XIX—XX веков. С. 6.

⁴⁷ Винокур Г. О. К вопросу о языке «Слова о полку Игореве». С. 101.

⁴⁸ См., например, этот вывод на основе рассмотрения бессоюзных предложений в народной, диалектной речи в кн.: Маркина Л. В. Бессоюзные сложные предложения в современной диалектной речи. 2-е изд., пересм. Владимир, 2018. С. 157—159.

⁴⁹ Иначе толкует это высказывание Д. С. Лихачев в Объяснительном переводе: «[Еще только] кони [вражеские] ржуть за [пограничную рекою] Сулою, [а] слава [победы над ними уже] звенит в Киеве». См.: Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря, Игоря сына Святослава, внука Олегова: (Объяснительный перевод) // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 78. (Литературные памятники).

⁵⁰ Эта точка зрения обоснована нами в статье: Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве». С. 68—70.

⁵¹ Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. С. 59—61.

М. М. Бахтина⁵² признала в устной беседе возможность хулы в «Слове» в адрес Игоря.

По мнению Н. С. Демковой, смысл фразы таков: «Не буря занесла соколов (дружину Игоря) так далеко («чресь поля широкая»), а то занесло их (потому так далеко залетели они), что стаи галок слетаются к Дону Великому (т. е. половцы уже собирают силы около Дона)». При издании памятника после первого предложения, с точки зрения исследователя, «надо ставить не запятую или тире, а двоеточие как знак пропуска союза „так как“ или „потому что“». ⁵³ Это прочтение подтверждается, по мнению Н. С. Демковой, последующим повествованием, уже от автора, которое якобы проясняет метафору рассматриваемой фразы: «Тогда вступил Игорь князь въ злать стремя и поѣха по чистому полю <...> А Половци неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону Великому». Поскольку в авторском повествовании о походе сказано, что *половцы побежали к Дону Великому*, следовательно, заключила исследовательница, и в первом случае под галками, *бегущими к Дону Великому*, следует иметь в виду половцев. Но приведенный фрагмент авторского повествования не подтверждает, а напротив, опровергает предложенное Н. С. Демковой толкование первой песни от лица Бояна. Автором ясно сказано (и это было известно его читателям), что инициатива была на стороне Игоря: он выступил в поход, и именно это заставило половцев спешно, «неготовыми» дорогами, побежать к Дону Великому — навстречу Игоревым полкам или спасаясь от него. ⁵⁴ Вынужденное спешное перемещение половцев, узнавших о продвижении Игоря в поле половецком, подчеркнуто и следующей фразой: «Крычатъ тѣлѣгы (половецкие. — Л. С.) полуношы, рци, лебеди распужени»⁵⁵, т. е. *распуганные* (с. 46).

Этот прием — употребление одних и тех же слов или словосочетаний в разных местах текста в разных значениях — автор «Слова» использовал неоднократно, в связи с чем нельзя при определении значения слова (или словосочетания) в одном случае ориентироваться на его значение в другом контексте.

Приведем еще один пример того, как бессоюзие порождает двусмысленность в тексте «Слова»:

⁵² В 1997 г. в 5-м томе Собрания сочинений М. М. Бахтина была опубликована его заметка «„Слово о полку Игореве“ в истории эпопеи» (набросок к будущей работе), написанная в 1940—1941 гг., в которой ученый доказывал, что «Слово» — это песнь не о победе, а о поражении, поэтому она содержит существенные элементы хулы и посрамления. Основной жанр остается форма героической эпопеи (прославление героического прошлого дедов и отцов), но предметом здесь служит «выпадение из дедовской славы». Отсюда фольклорные элементы «плача», с одной стороны, и «посрамления» — с другой (Бахтин М. М. «Слово о полку Игореве» в истории эпопеи // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 т. М., 1997. Т. 5. С. 39—41). Ранее эта заметка была опубликована в книге: Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 517—518.

⁵³ Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве». С. 60—61.

⁵⁴ По мнению Д. С. Лихачева, половцы бегут не навстречу Игорю, а спасаясь от него. См. в его Объяснительном переводе «Слова»: «Не буря [русских] соколов занесла через поля широкие; стада [половецких] галок [уже] бегут [спасаясь] к Дону великому» (Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря, Игоря сына Святослава, внука Олегова: (Объяснительный перевод). С. 78. См. также в статье: Лихачев Д. С. Поэтика «Слова о полку Игореве». С. 255.

⁵⁵ В Первом издании — «ропущени»; Д. Н. Дубенский предложил исправить на «ропужени».

О, стонати Руской земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвѣхъ князеи! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нѣ *розно ся*⁵⁶ имѣ хоботы пашуть. Копиа поють! (с. 54).

Слова «копиа поють» долгое время воспринимали как самостоятельное предложение со значением «летят в полете (метательные) копья», т. е. «идет война».⁵⁷ Некоторые исследователи и переводчики к словам «копиа поють» добавляли слово «на Дунай» из следующего фрагмента — Плача Ярославны, — читая: «Копиа поють на Дунай. Ярославнынъ гласъ слышитъ...» Заслуга в разгадке этого фрагмента принадлежит Б. А. Рыбакову. Он прочитал как одно предложение слова: «Но розно ся им хоботы пашут, копиа поют!» — пояснив при этом, что автор намекает здесь на ситуацию мая 1185 г., когда Рюрик вместе со Святославом Киевским выступил навстречу половцам после поражения Игоря, а Давыд со смольнянами отказался продолжить поход и повернул назад.⁵⁸ Несогласие между братьями символизируется в «Слове» тем, что их войска движатся в разных направлениях, о чем говорят врозь («розно») развевающиеся полотнища их знамен и врозь поющие на ветру (словно Эолова арфа) их копья, притороченные к седлам во время похода (на то, что речь идет не о «пенин» метательных копий на коротком древке, а о звуке, который издают притороченные к седлам вертикально поднятые копья при быстрой конной езде, тоже указал Б. А. Рыбаков).

7. Затрудняют понимание текста «Слова» и биполярные синтаксические единицы внутри предложения. Б. М. Гаспаров, отмечая эту особенность синтаксиса «Слова», поясняет, что «данное явление («биполярные синтаксические конструкции». — Л. С.) имеет место в тех случаях, когда какой-либо член предложения (одно слово либо целая синтаксическая группа) оказывается лишен жесткой синтаксической принадлежности и неопределенно тяготеет по смыслу как к предыдущему, так и к последующему отрезку текста. Возникающая при этом амбивалентность смысла ⟨...⟩ в изданиях „Слова“, начиная с ЕР (editio princeps, т. е. первого издания. — Л. С.), обычно остается незамеченной, поскольку издатели снабжают текст пунктуацией и тем самым разрешают амбивалентность данного типа в ту или иную сторону: в зависимости от места и характера поставленного знака спорная конструкция оказывается однозначным образом отнесена к одному из соседних отрезков и изолирована от другого отрезка. Между тем в оригинальном тексте таких средств разрешения проблемы не существовало. Более того, в большинстве случаев какое бы то ни было однозначное решение, по-видимому, и не предполагалось, и возможность амбивалентных смысловых отношений была свойством самого текста. Лишь в отдельных примерах наличие параллелизма либо специальных словесных индикаторов указывает на предпочтительность

⁵⁶ *Испр.*, в ПЕ — рози нося. — *Примеч. издателей.*

⁵⁷ В объяснительном переводе Д. С. Лихачева выражение «Копья поют!» пояснено как «Слышатся звуки битвы». См.: *Лихачев Д. С.* Слово о походе Игоря, Игоря сына Святославова, внука Олегова: (Объяснительный перевод). С. 98.

⁵⁸ *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 266.

какого-либо определенного прочтения текста перед другой в принципе возможной альтернативой».⁵⁹

Однако в некоторых случаях такая «подсказка» оказывается ловушкой для невнимательного читателя. Приведу пример подобной синтаксической конструкции в «Слове»: «Прысну море ←полунощи→ идутъ сморци мъглами».

Так называемый «ложный параллелизм» побуждает издателей делить текст на синтагмы следующим образом: «Прысну море полунощи; идутъ сморци мъглами» (с. 55). Именно так делит текст на синтагмы по традиции и современный исследователь А. Н. Ужанков, переводя: «Прыснуло море в полуночи. Идут смерчи мглою».⁶⁰ Между тем выражение «прысну море» рисует картину смерча, когда воронкообразный рукав (вихрь) засасывает воду из моря. Смерчи образуются только в жаркую погоду и только днем, поэтому «прыскать» *ночью* («в полуночи») море не может; слово «полунощи» в данном контексте означает «к северу», — туда двигались воронки смерчей вместе с порождающим их облаком («мглою»), которыми Бог указывал Игорю путь из земли Половецкой на землю Русскую.⁶¹ Поэтому деление текста на синтагмы должно быть иное: «Прысну море — полунощи идутъ сморци мъглами».

Приведу еще два примера биполярных синтаксических единиц внутри предложений:

«Тии бо бес щитовъ ←с засапожники2 кликомъ поля побѣждають, звонячи въ прадеднюю славу».

Не совсем ясно: побеждают врагов тюркские воины Ярослава Черниговского без щитов и засапожных мечей — одним кликом, звоня в прадедную славу, или они воюют без щитов, но с засапожными мечами, при этом оглашая поля победными боевыми кличами. У большинства казахских племен (казахи считаются прямыми потомками кипчаков-половцев, чистокровными тюрками) наряду с родовой тамгой имелся в прошлом и свой собственный уран — боевой клич. Именно он имеется в виду.⁶²

⁵⁹ Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». С. 285. Б. Гаспаров приводит несколько примеров биполярных синтаксических конструкций, но в большинстве из них амбивалентности смысла не наблюдается. Более того, в некоторых случаях говорить о биполярных синтаксических конструкциях нет оснований, например: «Зби ←Дивь→ кличьт врьху древа» (слово *Дивь* здесь явно относится к предыдущему слову: предполагаемая Б. Гаспаровым амбивалентность деления на синтагмы связана, вероятно, с предложением одного из исследователей читать вместо «зби» «зри» — смотри); «Дремлетъ въ полѣ ←Ольгово хороброе гнѣздо→ далече залетѣло» (здесь также нет сомнений в том, что словосочетание *Ольгово хороброе гнѣздо* относится к предыдущему тексту); «За нимъ кликну ←Карна→ ←и Жля→ поскочи по Руской земли» (в данном случае слово *Карна*, безусловно, относится к слову *кликну*, а слово *Жля* — к слову *поскочи*); «...а самъ въ ночь вълкомъ рыскаша ←изъ Кыева→ дорискаше до куръ Тматороканя» (автор определенно указывает путь, преодолеваемый по ночам оборотнем Всеславом: из Киева до Тматороканя, — следовательно, «изъ Кыева» относится к последующему отрезку текста). См.: Там же. С. 286—287.

⁶⁰ Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М., 2020. С. 77.

⁶¹ Здесь можно видеть отсылку к библейскому мотиву указания Богом пути Моисею из плена-рабства: «Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью» (Исх. 13: 21).

⁶² Е. Оспанулы приводит в своей статье «Ураны — боевые кличи казахов» интересные сведения о том, какими они были, как и когда они применялись. См.: *Оспанулы Е. Ураны — боевые кличи казахов // World Discovery Kazakhstan. Алма-Ата (Алматы), 2006. № 3 (8). С. 50—52 (на рус. яз.), 55—57 (на казах. яз.)*. Большая цитата из этого труднодоступного журнала приведена в статье: *Соколова Л. В. Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 701, примеч. 109.*

В совместном переводе Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева и О. В. Творогова эта фраза разделена запятыми на синтагмы следующим образом: «Они ведь без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу» (с. 62). Из такого деления текста на синтагмы ясно, что, по мнению авторов перевода, черниговские воины идут в бой с засапожными мечами, подбадривая себя боевыми кличами.

Другие исследователи предлагают иное деление, в том числе современный исследователь С. Л. Николаев — в своей реконструкции авторского текста:

тіи бо бес щитовъ с засапожники
кликомъ плъкы побѣждають
звонячи въ прадѣдную славу.⁶³

Такое деление текста на синтагмы предполагает, казалось бы, что половцы побеждают «кликом», похвالياсь «прадедней славой», сражаясь без оружия (засапожных ножей) и щитов. Однако помещенный в том же издании совместный перевод С. Л. Николаева и А. Ю. Чернова дает иное осмысление текста: «Эти без щитов, вооруженные одними лишь засапожными ножами, криком побеждают войска, звоня во славу своих предков».⁶⁴

Второй пример: «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы ←трудныхъ повѣстии→ о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?» Исследователи по-разному интерпретируют этот фрагмент: одни относят словосочетание «трудныхъ повѣстии» к предыдущему тексту («старыми словесы трудныхъ повѣстии»), другие — к последующему («трудныхъ повѣстии о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича»). По нашему мнению, смысл сказанного: не начать ли нам старыми (т. е. прежде сказанными) словами трудных повестей о походе Игоря (имеются в виду «трудные», т. е. воинские летописные повести о походе Игоря)?⁶⁵ Автор «Слова» заявляет здесь о своем намерении следовать не за Бояновыми «замышлениями» (определенным замыслом: спеть либо славу, либо хулу), а за воинскими повествованиями о походе Игоря в составе Владимирской и Киевской летописей.

8. Вставные конструкции, содержащие дополнительные сведения, попутные замечания, различные уточнения, пояснения, **также усложняют понимание текста «Слова».** Рассмотрим следующее предложение: «Ступаетъ (Олег. — Л. С.) въ златъ стремень въ градъ Тьмутороканъ, *той же*⁶⁶ звонъ слыша давный великыи Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ⁶⁷ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ» (с. 48). Как мог слышать воинский «звон» выступающего в поход Олега его дед Ярослав Мудрый, к тому времени умерший? В комментарии к изданию «Слова» 1950 г. Д. С. Лихачев, отметив неясность текста, предположил, что Ярослав предвидел шум княжеских раздоров, предостерегая в завещании своих наследников от братоубийственных

⁶³ Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: Реконструкция стихотворного текста. М.; СПб., 2020. С. 511. Знаки препинания в реконструкции С. Л. Николаева не проставлены.

⁶⁴ Там же. С. 611.

⁶⁵ Обоснование этой точки зрения см.: Соколова Л. В. Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 210—215.

⁶⁶ Испр.: ПЕ — тоже. — Примеч. издателей.

⁶⁷ Испр., П — сынъ Всеволожь: а Владимиръ; Е — сынъ Всеволожь: а Владимиръ. — Примеч. издателей.

войн.⁶⁸ Туманный намек автора правильно понял В. А. Кучкин: «„Тои же звонъ“ — не тот же самый, а такой же звон. Иносказательно речь идет об угрозе Ярославу Мудрому, исходившей из той же Тмуторокани, из которой выступил к Чернигову Олег Святославич. Летописи сообщают, что в 1023 г. Мстислав, княживший в Тмуторокани, пошел с хазарами и подчинившимися ему после гибели Редеди касогами на своего брата Ярослава».⁶⁹

Затрудняло понимание этой сложной фразы ее синтаксическое построение — со вставной конструкцией, которая таковой не осознавалась. При публикации текста «Слова» вставную конструкцию можно заключать в скобки:

Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градѣ Тмутороканѣ (тои же звонъ слыша давныи великыи Ярославъ), — а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ (с. 48).

При такой пунктуации очевидно и положение союза *a*, начинающего второе предложение в составе сложного (как уже отмечено, в Первом издании союз *a* стоит перед именем Владимир)⁷⁰.

9. Рассмотрим пример с присоединительной конструкцией, вносящей в текст «Слова» неясность:

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе⁷¹ и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя (с. 48).

Кого автор характеризует как «храбра и млада князя»? На первый взгляд, это определение Олега, поскольку стоит после его имени. Однако скорее это присоединительная конструкция,⁷² она стоит в конце предложения, но характеризует Бориса Вячеславича, отказавшегося уйти без сражения с поля боя и погибшего. Именно о нем идет речь в этом предложении, именно о его гибели — храброго и молодого князя — сожалеет автор «Слова». Вряд ли автор мог назвать храбрым Олега, сомневавшегося в том, стоит ли вступать в битву, и предлагавшего просить мира у противной стороны.⁷³

⁶⁸ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 410—411.

⁶⁹ Кучкин В. А. XI век в «Слове о полку Игореве» // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России, 27—29 августа 2000 года, Ярославль — Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 30.

⁷⁰ Б. М. Гаспаров допускает в авторском тексте «запоздалую» постановку союза в середине фразы, что встречается и в устной речи. Он указывает на аналогичную по построению фразу: «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе» (Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». С. 284—285). По нашему мнению, в данном случае союз *a* оказался не на месте в результате ошибки одного из переписчиков, прочитавшего текст следующим образом: «Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градѣ Тмутороканѣ (тои же звонъ слыша давныи великыи Ярославъ сынъ Всеволожь), — а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ».

⁷¹ Испр., в цитируемом издании «Слова» 1967 г. здесь стоит запятая.

⁷² Присоединительная связь представляет собой самостоятельный, не похожий на другие вид синтаксической связи. Ее суть — прибавление к самостоятельному высказыванию, главенствующему и по смыслу, и по грамматике, одного или нескольких фрагментов, которые в силу независимости позиции служат средством смыслового или стилистического акцентирования важной для автора информации. См. статью Н. В. Патроевой о присоединительных конструкциях с библиографией по теме: Патроева Н. В. Структура и функции присоединительных синтагм в русской поэтической речи карамзинской и пушкинской эпохи // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 3. С. 62—73.

⁷³ Между тем эпитет «храбрый» нередко относили к Олегу. См., например, в переводе Н. А. Заболоцкого:

Этот эпизод отсылает читателя к «Повести временных лет», где рассказывается о событиях 1078 г.: Олег и Борис пришли к Чернигову, против них выступили Ярославичи — Изяслав и Всеволод с сыновьями. Олег, по версии летописца, заколебался и обратился к Борису с предложением не выступить против четырех князей, а попросить у них мира: «Не ходивъ противу, не можевъ стати противу четыремъ княземъ, но посливъ с молбою къ стрьема своимъ». На что Борис ответил ему: «Ты готова зри, азъ имъ противень всѣмъ». Началась битва, и, по словам летописца, «первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми». ⁷⁴ Именно эту «похвальбу» имеет в виду автор «Слова», когда пишет о том, что на [Божий] суд (т. е. на битву) привела Бориса Вячеславича *слава*, т. е. жажда славы.

Неопределенность того, к кому относится комментарий «храбра и млада князя», создается главным образом порядком слов, что позволяет отнести эту характеристику к Олегу. Текст был бы совершенно ясным при другом порядке слов: Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполному постла, *храбра и млада князя*, за обиду Олгову. ⁷⁵ Как и в других случаях, автор подразумевает знание читателем летописных текстов, полагая, что это позволит ему, поразмыслив, правильно понять смысл фразы.

Как отметила Н. В. Черемисина, присоединительные конструкции «характерны для контекстов, в которые широко вовлекаются разговорные построения». ⁷⁶ При этом, по замечанию М. Е. Шафиро, «присоединительный компонент появляется в процессе речевого выражения не стихийно, случайно, попутно, немотивированно, как это отмечается в ряде исследований, а вполне закономерно, в силу целенаправленности речевого выражения, организуемого говорящим (пишущим) таким образом, чтобы с максимально исчерпывающей полнотой и точностью осуществить акт речевой коммуникации». ⁷⁷ Присоединительная синтагма формирует в предложении и тексте добавочный тематический центр, высказывание как бы «обрастает элементами, не вошедшими в его первоначальную структуру, а присоединяемыми к нему по мере поступательного движения мысли». ⁷⁸

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канина брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега (с. 271).

⁷⁴ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 86.

⁷⁵ Именно так поступил Семен Ботвинник при переводе «Слова о полку Игореве»:

А князь Борис Вячеславич,
и молодой, и храбрый,
за похвальбу и лихость
на суд приведен был божий
и в наказанье
саван
зеленый ему был послан
возле реки Канины —
за обиду Олега... (с. 294)

⁷⁶ Черемисина Н. В. О присоединительных конструкциях в современном русском языке // Науч. зап. Харьковского гос. пед. ин-та. Харьков, 1958. Т. 29. С. 99.

⁷⁷ Шафиро М. Е. Соотнесенность присоединительного компонента с компонентами актуального членения предыдущего предложения // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1965. С. 34.

⁷⁸ Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Л., 1989. С. 14.

В связи с отмеченными в «Слове» поэтическими приемами, характерными для разговорной речи, необходимо кратко остановиться на вопросе, создавалось ли «Слово» как устное или как письменное произведение. Б. Гаспаров, указав на близость многих элементов синтаксиса «Слова» к устной речи, высказал предположение, что «основной, первичной формой бытования текста „Слова о полку Игореве“ была устная форма (...) известный нам текст „Слова“, по всей видимости, является записью произведения, бытовавшего первоначально в устном исполнении». ⁷⁹ При этом он оговорился, что «наличие продуманной композиции произведения, сложнейших соотношений между различными точками повествования, изоощренных параллелизмов делает невозможным полностью спонтанное порождение текста. Очевидно, что автор или исполнитель не создавали текст целиком в процессе исполнения, но опирались на предварительное знание текста по памяти». ⁸⁰ Это высказывание противоречиво. Представляется, что прав Д. П. Мирский, по мнению которого «Слово о полку Игореве — чисто литературное произведение, *написанное, а не распевавшееся*. (...) Автор, хоть и анонимный, отличается *могучей индивидуальностью*. Он был светским человеком, вероятно, дружинником какого-то князя. Он глубоко знал и книгу, и устную традицию. *Величайшая оригинальность его произведения в том, что он применил к письменной литературе методы устной поэзии*. Нет оснований предполагать, что у него были в этой манере предшественники. Но его корни уходят и в литературную традицию. Сходство некоторых его оборотов речи и выражений с русским Иосифом («Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия. — Л. С.) поистине поразительно, но есть и более далекие связи со стилем духовных ораторов и стилем летописей». ⁸¹ В. П. Адрианова-Перетц в книге 1968 г. еще более определенно указала на то, что «автор органически слил в своем творчестве обе поэтические системы, развил достижения каждой из них. Глубине его общественно-политической мысли, народности оценки событий и их участников соответствует творческое повышение изобразительности художественных средств, отобранных им и из поэтической речи народа, и из накопленного словесного богатства византийско-болгарской и русской литературы. Автор „Слова“ прочно связан с этой почвой, он питается ею, и все же он опережает писателей своей эпохи так же, как опередил позднее Пушкин своих современников. Поэтическое дарование автора — вот единственная сила, поднявшая „Слово о полку Игореве“ над всей окружавшей его литературой так высоко, что оно и в наши дни продолжает активно участвовать в жизни (...) словесного и изобразительного искусства». ⁸²

Рассмотренные композиционно-синтаксические приемы в «Слове о полку Игореве», как и ранее проанализированные лексико-фразеологические приемы, позволяют говорить о сознательном усложнении автором стиля своего произведения. Но для полноты картины необходимо также исследовать, как усложняет восприятие текста памятника широкое использование автором

⁷⁹ Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». С. 291—292.

⁸⁰ Там же. С. 292.

⁸¹ Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, 2005. С. 47—48. Курсив мой.

⁸² Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 40.

тропов (метонимий, метафор, символов), которое и дает право определять стиль «Слова» как «ornatus difficilis». ⁸³ Но это тема особой статьи.

Список литературы

- Адрианова-Перетц В. П.* Основные вопросы поэтики «Слова о полку Игореве» // Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л.: Наука, 1968. С. 3—44.
- Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи / Сост. С. Г. Бочаров и В. В. Кожин. М.: Худож. лит., 1986. 545 с.
- Бахтин М. М.* Собрание сочинений в 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х гг. С. 39—41.
- Винокур Г. О.* К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования / Отв. ред. А. Н. Робинсон. М.: Наука, 1988. С. 90—102.
- Гаспаров Б. [М.]* Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien: Verlag Otto Sagner, 1984. 405 с. (Wiener Slawistischer Almanach; Sonderband 12); 2-е изд. Москва: Аграф, 2000. 608 с.
- Гаспаров М. Л.* «Темные» стихи и ясные стихи: тропы в «Сестре моей жизни» Б. Пастернака // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2012. Т. 71, № 2. С. 61—70.
- Гогешвили А. А.* Три источника «Слова о полку Игореве»: Исследование. М.: Белые альвы, 1999. 415 с.
- Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С. 29—37.
- Гуревич А. [Я.]* Типологическая общность и национально-историческое своеобразие // Вопросы литературы. 1978. № 11. С. 164—187.
- Демкова Н. С.* Повторы в «Слове о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 18—33.
- Демкова Н. С.* Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 33—76.
- Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и ст. / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 93—129.
- Жирмунский В. М.* Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. М., 1960. Т. 19, вып. 3. С. 177—186.
- Заболоцкий Н. А.* Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1967. С. 265—287.
- Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с. (Studia philologica. Series minor).
- Колесов В. В.* Стиль «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. С. 57—60.
- Корчагин К.* Всемирная история сложной поэзии: от Руми и скальдов до Тредиаковского, Малларме и Пауля Целана. URL: <https://knife.media/complicated-poetry/> (Дата публикации: 18.08.2020).
- Кузнецова А. А.* Период // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. URL: <https://academic.ru/>
- Кучкин В. А.* XI век в «Слове о полку Игореве» // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России, 27—29 августа 2000 года, Ярославль — Рыбинск. Ярославль: Александр Рутман, 2001. 391 с.

⁸³ М. Л. Гаспаров, перечисляя причины, по которым стихотворение может быть «темным», указывает, в частности, на насыщенность текста тропами (метафоры и метонимии). См.: *Гаспаров М. Л.* «Темные» стихи и ясные стихи: тропы в «Сестре моей — жизни» Б. Пастернака // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2012. Т. 71, № 2. С. 61—70.

Лемешкин И. Княгиня Ярославна Мезенского уезда, или Почему жена Игоря плачет «на забрале» // Русская литература. 2017. № 1. С. 107—126.

Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 375—466. (Литературные памятники).

Лихачев Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1985. С. 234—253.

Лихачев Д. С. Поэтика «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Logos, 2007. С. 252—263.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 255 с.

Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» как художественное целое // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Logos, 2007. С. 391—422.

Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря, Игоря сына Святославова, внука Олегова: (Объяснительный перевод) // Слово о полку Игореве / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. (Литературные памятники).

Лотман Ю. М. Риторика // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 167—183.

Маркина Л. В. Бессоюзные сложные предложения в современной диалектной речи. 2-е изд., пересм. Владимир: Транзит-ИКС, 2018. 187 с.

Мейлах М. Б. Язык трубадуров. М.: Наука, 1975. 239 с.

Менендес Пидаль Р. Избранные произведения: Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения. / Пер. с исп. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 772 с.

Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Изд-во «Свиньян и сыновья», 2005. 963 с.

Младшая Эдда / Изд. подгот. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1970. 255 с.

Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: Реконструкция стихотворного текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 640 с.

Никольская А. Б. О стиле «Слова о полку Игореве» (по поводу статьи Е. Hoffmann «Beobachtungen zum Stil des „Igorliedes“...») // ИОРЯС. 1925. Л., 1926. Т. 30. С. 455—470.

Орлов А. С., Шамбинаго С. К. Слово о полку Игореве // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1: Литература XI — начала XIII века. С. 375—402.

Оспанулы Е. Ураны — боевые кличи казахов // World Discovery Kazakhstan. Алма-Ата (Алматы), 2006. № 3 (8). С. 50—52 (на рус. яз.), 55—57 (на казах. яз.).

Патроева Н. В. Синтаксис и архитектоника «Слова о полку Игореве» и его поэтических переложений XIX—XX веков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 102 с.

Патроева Н. В. Структура и функции присоединительных синтагм в русской поэтической речи карамзинской и пушкинской эпохи // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 3. С. 62—73.

Петерсон М. Н. Синтаксис «Слова о полку Игореве» // Slavia. 1937. Роф. 14, seš. 4. S. 547—592.

Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. 667 с.

Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Л.: Наука, 1989. 165, [2] с.

Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971. 294 с.

Самарин Р. М., Михайлов А. Д. Куртуазная лирика // История всемирной литературы. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 530—548.

Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1967. 539 с. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Соколова Л. В. Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 210—215.

Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С. 65—74.

Соколова Л. В. Композиция «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 184—210.

Соколова Л. В. Первоначально ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 62. С. 673—724.

Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Т. 52. С. 7—46.

Соколова Л. В. Стиль «ornatus difficilis» в «Слове о полку Игореве» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 1. С. 7—34. DOI 10.15393/j9.art.2023.11922. URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=86901

Соколова Л. В. Фольклорные традиции и их интерпретация в Плаче Ярославны // Текст и традиция: Альманах. СПб.: Росток, 2020. Т. 8. С. 7—34.

Творогов О. В. История текста «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2. С. 320—324.

Творогов О. В. Перестановки в тексте «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4. С. 79—83.

Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: Согласие, 2020. 488 с.

Черемисина Н. В. О присоединительных конструкциях в современном русском языке // Науч. зап. Харьковского гос. пед. ин-та. Харьков, 1958. Т. 29. С. 91—103.

Чернов А. Ю. Хроники изначного времени: «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб.: Вита Нова, 2006. 480 с.

Шафиро М. Е. Соотнесенность присоединительного компонента с компонентами актуального членения предыдущего предложения // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. С. 34—44.

Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в США // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 102—121.

Якобсон Р. О. Роль языкознания в экзегезе «Слова о полку Игореве» // Якобсон Р. О. Избранные работы / Пер. с англ., нем., фр. яз. Сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева; предисл. В. В. Иванова. М.: Прогресс, 1985. С. 421—423.

Hoffmann E. Beobachtungen zum Stil des «Igorliedes» // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1922. Bd. 38, Heft 1—2. S. 89—107; 1923. Heft 3—4. S. 228—244.

References

Adrianova-Peretts V. P. Osnovnye voprosy poetiki «Slova o polku Igoreve» // Adrianova-Peretts V. P. «Slovo o polku Igoreve» i pamiatniki russkoi literatury XI—XIII vekov. Leningrad: Nauka, 1968. S. 3—44.

Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i / Sostaviteli S. G. Bocharov i V. V. Kozhinov. Moskva: Khudozhestvennaia literatura, 1986. 545 s.

Bakhtin M. M. Sbranie sochinenii v 7 tomakh. Moskva: Russkie slovari, 1997. T. 5: Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov. S. 39—41.

Cheremisina N. V. O prisoedinitel'nykh konstruktsiiaikh v sovremennom russkom iazyke // Nauchnye zapiski Khar'kovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Khar'kov, 1958. T. 29. S. 91—103.

Chernov A. Iu. Khroniki iznachochnogo vremeni: «Slovo o polku Igoreve»: tekst i ego okrestnosti. Sankt-Peterburg: Vita Nova, 2006. 480 s.

Demkova N. S. Srednevekovaia russkaia literatura. Poetika, interpretatsii, istochniki: Sbornik statei. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1997. 219 s.

Eremin I. P. «Slovo o polku Igoreve» kak pamiatnik politicheskogo krasnorechiia Kievskoi Rusi // Slovo o polku Igoreve: Sbornik issledovaniia i statei pod redaktsiei chlena-korrespondenta Akademii nauk SSSR V. P. Adrianovoi-Peretts. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. S. 93—129.

Gasparov B. [M.] Poetika «Slova o polku Igoreve». Wien: Verlag Otto Sagner, 1984. 405 s. (Wiener Slavistischer Almanach; Sonderband 12); 2-e izdanie: Moskva: Agraf, 2000. 608 s.

Gasparov M. L. «Temnye» stikhi i iasnye stikhi: tropy v «Sestre moei zhizni» B. Pasternaka // Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serii literatury i iazyka. 2012. T. 71, № 2. S. 61—70.

Gogeshvili A. A. Tri istochnika «Slova o polku Igoreve»: Issledovanie. Moskva: Belye al'vy, 1999. 415 s.

Gorskii A. A. Problema daty sozdaniia «Slova o polku Igoreve» // Issledovaniia «Slova o polku Igoreve». Leningrad: Nauka, 1986. S. 29—37.

Gurevich A. [Ia.] Tipologicheskaia obshchnost' i natsional'no-istoricheskoe svoeobrazie // Voprosy literatury. 1978. № 11. S. 164—187.

Iakobson R. O. Izuchenie «Slova o polku Igoreve» v SShA // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. T. 14. S. 102—121.

Iakobson R. O. Rol' iazykoznanii v ekzegeze Slova o p"lku Igorevѣ // Iakobson R. O. Izbrannye raboty / Perevody s angliiskogo, nemetskogo, frantsuzskogo iazykov. Sostavlenie i obshchaia redaktsiia V. A. Zvegintseva; predislovie V. V. Ivanova. Moskva: Progress, 1985. S. 421—423.

Kolesov V. V. Stil' «Slova» // Entsiklopediia «Slova o polku Igoreve». Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 1995. T. 5. S. 57—60.

Korchagin K. Vsemirnaia istoriia slozhnoi poezii: ot Rumi i skal'dov do Trediakovskogo, Mallarme i Paulia Tselana. URL: <https://knife.media/complicated-poetry/> (Data publikatsii: 18.08.2020).

Kuchkin V. A. XI vek v «Slove o polku Igoreve» // 200 let pervomu izdaniiu «Slova o polku Igoreve»: Materialy iubileinykh chtenii po istorii i kul'ture drevnei i novoi Rossii, 27—29 avgusta 2000 goda, Iaroslavl' — Rybinsk. Iaroslavl': Aleksandr Rutman, 2001. 391 s.

Kuznetsova A. A. Period // Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka. URL: <https://academic.ru/>

Lemeshkin I. Kniaginia Iaroslavna Mezenskogo uezda, ili Pochemu zhena Igoria plachet «na zabrale» // Russkaia literatura. 2017. № 1. S. 107—126.

Likhachev D. S. Kommentarii istoricheskii i geograficheskii // Slovo o polku Igoreve / Pod redaktsiei chlena-korrespondenta Akademii nauk SSSR V. P. Adrianovoi-Peretts. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. S. 375—466.

Likhachev D. S. Poetika povtoriaemosti v «Slove o polku Igoreve» // Likhachev D. S. «Slovo o polku Igoreve» i kul'tura ego vremeni. 2-e izdanie, dopolnennoe. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, 1985. S. 234—253.

Likhachev D. S. Poetika «Slova o polku Igoreve» // Likhachev D. S. «Slovo o polku Igoreve» i kul'tura ego vremeni. 4-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Sankt-Peterburg: Logos, 2007. S. 252—263.

Likhachev D. S. Razvitie russkoi literatury X—XVII vekov: Epokhi i stili. Leningrad: Nauka, 1973. 255 s.

Likhachev D. S. «Slovo o polku Igoreve» kak khudozhestvennoe tseloe // Likhachev D. S. «Slovo o polku Igoreve» i kul'tura ego vremeni. 4-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Sankt-Peterburg: Logos, 2007. S. 391—422.

Lotman Yu. M. Ritorika // Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i: V 3 tomakh. Tallin: Aleksandra, 1992. T. 1. S. 167—183.

Markina L. V. Bessoiuznye slozhnye predlozheniia v sovremennoi dialektnoi rechi. 2-e izdanie, peresmotrennoe. Vladimir: Tranzit-IKS, 2018. 187 s.

Meilakh M. B. Iazyk trubadurov. Moskva: Nauka, 1975. 239 s.

Menendes Pidal' R. Izbrannye proizvedeniia: Ispanskaia literatura srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniia / Perevod s ispanskogo. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1961. 772 s.

Mirskii D. S. Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god / Perevod s angliiskogo R. Zernovoi. Novosibirsk: Izdatel'stvo «Svin'in i synov'ia», 2005. 963 s.

Mladshaia Edda / Izdanie podgotovili O. A. Smirnitskaia i M. I. Steblin-Kamenskii. Leningrad: Nauka, 1970. 255 s.

Nikolaev S. L. «Slovo o polku Igoreve». Rekonstruktsiia stikhotvornogo teksta. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, 2020. 640 s.

Nikol'skaia A. B. O stile «Slova o polku Igoreve» (po povodu stat'i E. Hoffmann «Beobachtungen zum Stil des „Igorliedes“...») // Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti. 1925. Leningrad, 1926. T. 30. S. 455—470.

Orlov A. S., Shambinago S. K. Slovo o polku Igoreve // *Istoriia russkoi literatury*: V 10 t. / Akademiia nauk SSSR. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. T. 1: Literatura XI — nachala XIII veka. S. 375—402.

Ospanuly E. Urany — boevye klichy kazakhov // *World Discovery Kazakhstan*. Alma-Ata (Almaty), 2006. № 3 (8). S. 50—52 (na russkom iazyke), 55—57 (na kazakhskom iazyke).

Patroeva N. V. Sintaksis i arkhitektonika «Slova o polku Igoreve» i ego poeticheskikh perelozhenii XIX—XX vekov. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015. 102 s.

Patroeva N. V. Structure and functions of conjoint syntagms in Russian poetry of Karamzin's and Pushkin's epochs // *Iazyk. Slovesnost'*. Kul'tura. 2011. № 3. S. 62—73.

Peterson M. N. Sintaksis «Slova o polku Igoreve» // *Slavia*. 1937. Roč. 14, seš. 4. S. 547—592.

Povest' vremennykh let. Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. 667 s.

Referovskaia E. A. Kommunikativnaia struktura teksta v leksiko-grammaticheskom aspekte / *Otvetstvennyi redaktor A. V. Bondarko*. Leningrad: Nauka, 1989. 165, [2] s.

Rybakov B. A. «Slovo o polku Igoreve» i ego sovremenniki. Moskva: Nauka, 1971. 294 s.

Samarin R. M., Mikhailov A. D. Kurtuaznaia lirika // *Istoriia vseмирnoi literatury*. Moskva: Nauka, 1984. T. 2. S. 530—548.

Shafiro M. E. Sootnesennost' prisoedinitel'nogo komponenta s komponentami aktual'nogo chleneniia predydushchego predlozheniia // *Voprosy teorii i metodiki izucheniia russkogo iazyka*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1965. S. 34—44.

Slovo o polku Igoreve. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1967. 539 s. (Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia. 2-e izdanie).

Sokolova L. V. Dve pervye frazy «Slova o polku Igoreve» // *Issledovaniia po drevnei i novoi literature*. Leningrad: Nauka, 1987. S. 210—215.

Sokolova L. V. Fol'klornye traditsii i ikh interpretatsiia v Plache Iaroslavny // *Tekst i traditsiia: Al'manakh*. Sankt-Peterburg: Rostok, 2020. T. 8. S. 7—34.

Sokolova L. V. Kompozitsiia «Slova o polku Igoreve» // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2004. T. 55. S. 184—210.

Sokolova L. V. “Ornatus Difficilis” Style in “The Tale of Igor's Campaign” // *Problemy istoricheskoi poetiki*. 2023. T. 21, № 1. S. 7—34. DOI 10.15393/j9.art.2023.11922. URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=86901

Sokolova L. V. Pervonachal'na li Kratkaia redaktsiia «Zadonshchiny»? (V sviazi s noveishimi rabotami o vzaimootnoshenii «Slova o polku Igoreve» i «Zadonshchiny») // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2014. T. 62. S. 673—724.

Sokolova L. V. Sviatoslav Vsevolodovich Kievskii i ego «zlato slovo» v «Slove o polku Igoreve» // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2001. T. 52. S. 7—46.

Sokolova L. V. Zachin v «Slove o polku Igoreve» // *Issledovaniia «Slova o polku Igoreve»*. Leningrad: Nauka, 1986. S. 65—74.

Tvorogov O. V. Istoriia teksta «Slova» // *Entsiklopediia «Slova o polku Igoreve»*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 1995. T. 2. S. 320—324.

Tvorogov O. V. Perestanovki v tekste «Slova» // *Entsiklopediia «Slova o polku Igoreve»*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 1995. T. 4. S. 79—83.

Uzhankov A. N. «Slovo o polku Igoreve» i ego avtor. Moskva: Soglasie, 2020. 488 s.

Vinokur G. O. K voprosu o iazyke «Slova o polku Igoreve» // «Slovo o polku Igoreve»: Kompleksnye issledovaniia / *Otvetstvennyi redaktor A. N. Robinson*. Moskva: Nauka, 1988. S. 90—102.

Zabolotskii N. A. Slovo o polku Igoreve // *Slovo o polku Igoreve*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1967. S. 265—287. (Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia. 2-e izdanie).

Zalizniak A. A. «Slovo o polku Igoreve»: vzgliad lingvистa. 3-e izdanie, dopolnennoe. Moskva: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2008. 480 s. (Studia philologica. Series minor).

Zhirmunskii V. M. Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniia literatur // *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*. Moskva, 1960. T. 19. Vypusk 3. S. 177—186.